

Валерий ЛЕОНТЬЕВ

ПОЧЕМУ-ТО ВСЕГДА НЕ КО ДВОРУ

19 марта у Валерия Леонтьева день рождения. Казалось бы совсем недавно он отмечал свой юбилей, а вот уж и год незаметно пролетел.

Только что певец возвратился из США, где провел рекордный для него по продолжительности отпуск — два месяца, и несмотря на обилие забот и дел, сразу свалившихся на него, согласился дать интервью нашей газете.

— Валерий Яковлевич, за прошедший год не появилось ли у вас желания остепениться и сделать свой репертуар более спокойным?

— Скорее наоборот. В моей последней программе “Фотограф сновидений” достаточно много лирических и драматических песен, и сейчас, задумывая новую программу, я испытываю желание сделать ее более легкой, развлекательной и динамичной. Опять хочется побеситься.

— И как долго вы еще собираетесь работать в таком ритме? Годы-то идут.

— Понимаю, вам хочется спросить, что я буду делать, когда стану старым, немощным, хромым... У представителей моей профессии есть два выхода. Первый: переход на спокойный и статичный лирико-драматический репертуар — это просто, и второй: вообще прекратить петь.

— Вы так легко говорите об этом?

— Рано или поздно это неизбежно произойдет. Я же не буду петь тысячу лет. Настанет день, когда я решу больше этого не делать. Или же публика решит это за меня.

— Для артиста, всю жизнь посвятившего сцене, окончательный уход, мне кажется, сродни катастрофе.

— Тем не менее, я слышал признания многих старых артистов, что у них просто не было возможности вовремя уйти, красиво поставив точку. Прежде всего, по

материальным соображениям. Ведь мы еще не столкнулись с благополучно уходящими “звездами” нашего времени. Таких “звезд”, которые за свою карьеру обеспечили бы себе безбедную красивую жизнь на оставшуюся жизнь, у нас еще нет. Это Майкл Джексон может красиво поставить точку.

— Неужели вы такой бедный?

— Нет, конечно. Но моя сегодняшняя обеспеченность — понятие условное. Я неплохо обеспечен по сравнению с Леонтьевым двадцатилетней давности, по сравнению же с людьми, работающими в шоу-бизнесе на Западе, я — нищий. И потом, я обеспечен пока пою. Стоит мне только остановиться — и всей моей обеспеченности, уверяю вас, ненадолго хватит. Тираж моих пластинок — 25 миллионов. Я давно уже должен был сидеть на собственном острове и плавать по миру на собственной яхте. А мне за запись “гиганта” платили 168 рублей.

— Но это было в доперестроечные времена. Сейчас же все несколько иначе. Публика на вас ходит, цены на билеты приличные...

— Вас, как и всех людей, видящих нас со стороны, сбивают с толку суммы валовых сборов. Но почему-то никто не хочет посчитать, сколько вкладывается в создание эстрадного шоу, сколько уходит на уплату налогов и прочее. Деньги для меня не цель, а лишь инструмент для работы. “Фотограф сновидений”, например, я сделал за

свой счет, у меня не было ни спонсоров, ни меценатов.

— Тогда, может быть, не стоит делать такие яркие дорогостоящие шоу?

— Мне это интересно, публике тоже. Наверное, это тот редкий счастливый случай, когда интересы обеих сторон совпадают.

— Но такие шоу, наверное, сильно ограничивают ваши гастрольные маршруты? Ведь далеко не каждая концертная площадка по своему техническому оснащению готова принять такое действие и такое зрелище?

— Площадки-то есть. Проблема не в этом, а в том плачевном финансовом положении, в котором находится большинство населения страны. Одна перевозка многотонной аппаратуры и декораций — дело очень дорогостоящее, но поднять цену на билеты мы не можем. Ведь в городах с миллионным населением, где раньше с аншлагом проходили 20-30 концертов, теперь, дай Бог, соберешь публику на два-три.

— Сейчас благодаря телевидению появилось поколение, воспринимающее музыку исключительно через видеоклипы. И этот довольно значительный пласт зрительской аудитории трудно заманить в концертный зал. Вы знакомы с этой проблемой?

— В восприятии музыки только через видеоряд существует большая опасность. И для зрителя, и для артиста. Зная исполните-

ля только по видеоматериалу, человек рискует, придя на концерт, сильно разочароваться, столкнувшись вовсе не с тем образом, который создан клипом. Клип — это другой жанр, где многое зависит от спецэффектов, режиссуры и монтажа. Увидев удачный клип, многие, возрадовавшись появлению новой звезды, бегут в кассу, садятся в зрительный зал и... сталкиваются с серостью и беспомощностью. “Звезда”, оказывается, была сделана на монтажном столе. У меня же противоположная ситуация. Всю жизнь мне не везло на телевидении. Температура происходящего на экране всегда была ниже температуры, которую я создаю на сцене. Я всегда выигрываю в зале и проигрываю на телевидении.

— Поэтому вы и не снимаете клипы?

— Намеренно этого не делаю. Просто как-то подзапустил ситуацию. Последний свой клип снял в 95-м. Но чувствую, что пора уже сделать что-то новенькое.

— Кстати, о новеньком. Не хотели бы вы сделать мюзикл? Этот жанр как будто создан для вас: поете, танцуете, обладаете актерским дарованием. Да и опыт есть — в свое время делали рок-оперу “Джордано”.

— Это, безусловно, очень привлекательный для каждого покоющего актёра жанр, но, к сожалению, в силу экономических и организационных сложностей в нашей стране это сегодня практически неподъемно.

— Вы часто бываете за рубежом. В чем, по-вашему, причина того, что наши звезды не имеют у них того успеха, что у нас?

— Успех всегда зависит от двух факторов: таланта артиста и суммы вложений в него. Талантливые артисты у нас, безусловно, есть. Я присутствовал на концерте Аллы Пугачевой в Америке и видел, как публика была заворожена ею. Так что, все дело — в деньгах. Хулио Иглесиас стал любимцем Америки, когда на его раскрутку было брошено 20 миллионов долларов.

— У вас никогда не возникало желания, используя свой богатый опыт, попытаться реализовать себя в профессии режиссера-постановщика или на базе своей студии заняться пестованием молодых талантов и выращиванием новых звезд?

— Режиссер — это категория работодателей, а я по своей натуре — рабочая лошадка. Мне нравится быть артистом. То же самое касается и педагогической деятельности. Студия создана совсем не для того, чтобы стать “фабрикой звезд”, а для нормального функционирования моей команды. У меня нет никакого желания кого-то учить и взращивать, да и времени на это совершенно нет. Моя жизнь плотно забита работой: гастролями, записями, созданием новых шоу... И потом, почему артисты идут в “педагогику”? Либо от неудержимого желания реализовать себя как педагога, либо от того, что ты уже не тянешь сольный концерт и тебе необходимо набрать так называемых учеников, а самому выходить в конце на три песни. Ни то, ни другое ко мне не относится.

— А вы бы не хотели написать книгу?

— Очень надеюсь, что как только будет побольше свободного времени, я ее напишу.

— Автобиографическую?

— Упаси Господи! Я еще не созрел для мемуаров. К тому же не так давно уже вышла книга обо мне. Скорее всего это будет роман о жизни шоу-бизнеса и, возможно, с элементами детектива. Я хорошо знаю эту жизнь, в ней немало драматических моментов, порой даже с криминальным оттенком. Думаю, такая книга будет читаться с интересом.

— Если есть желание, стоит ли оттягивать ее написание? Что вам стоит надиктовать текст на диктофон, а литературный помощник его обработает?

— Мне не нравится работа с диктофоном. Я предпочитаю старомодный способ создания книги. И уж, конечно, категорически против литературного помощника.

Каждая мысль, каждая фраза должна быть выношена мною самим, а не человеком, которому я что-то наболтаю в машине между записью и телесъемкой.

— Вы ведете дневник?

— Какой дневник? Домой приезжаешь — ноги подкашиваются, глаза слипаются, а еще нужно прослушать кучу кассет.

— Про вас говорят, что вы трудоголик. Это правда?

— В моей жизни работа — это, действительно, почти все. С мыслями о ней засыпаю и просыпаюсь, но честно признаюсь: во время отпусков, каким бы длинным он ни был, у меня никогда не возникало желания извлечь хотя бы одну ноту.

— Что-то слабо верится. Глядя на ваш бешеный темп...

— Он мне навязан профессией. А по своей натуре я ленивый человек. Даже петь стал потому, что, как показалось, мне это легко дается. Правда, позднее выяснилось, что это не столь простое дело, как думал, и пришлось многому учиться. В моей профессии нет места лени, жизнь расписана по часам.

— Вы постоянно окружены людьми. Это утомляет?

— Конечно, утомляет. Во время общения с людьми возникает ощущение, что тебя растаскивают по кускам, что ты исчезаешь. Поэтому в редкие свободные дни я стараюсь уединиться. В одиночестве я вновь себя собираю, начинаю лучше понимать, кто я и что мне нужно.

— Не боитесь открыть в себе то, чего вовсе не хотелось бы обнаружить?

— Порой появляются мысли о собственной никчемности. Возникают подозрения, что я совершенно пустой человек.

— И как вы в этих случаях поступаете?

— Начинаю утешать себя фактами, свидетельствующими об обратном. Главное — в этом процессе углубленного самокопания надо во время поставить точку. Правда, чаще всего она ставится сама собой: начинается работа, кончается одиночество, и уже надо думать, как бы завтра не проспать на запись.

— Кто-нибудь из сильных мира сего благоволил к вам? Олег Газманов поет “Москву”, Иосиф Кобзон — “Отечество”, Людмила Зыкина пела “Наш дом — Россия”. А вам не предлагали что-нибудь подобное?

— Я при всех режимах настолько не ко двору, что никто никогда мне ничего не предлагал. И слава Богу!